

2.2. ИНДОНЕЗИЯ В 2017 Г.: ВПЕРЕДИ ВЫБОРЫ

Другов Алексей Юрьевич

доктор политических наук, главный научный сотрудник
Центра Юго-Восточной Австралии и Океании ИВ РАН

Кампания по выборам губернатора индонезийской столицы Джакарты в 2016–2017 гг. достойна отдельного освещения. Здесь ограничимся констатацией, что радикальные исламистские группировки, используя ксенофобные инстинкты низов, развернули массовую кампанию против вполне перспективного и достойного кандидата Басуки Чахайя Пурнама, этнического китайца и христианина по вероисповеданию. Им удалось не только нанести поражение Ахоку, как его вполне уважительно величает индонезийская печать, но и добиться его осуждения на двухлетний тюремный срок по фактически ложному обвинению в богохульстве (о чем речь пойдет несколько ниже). При этом Ахок пользовался почти нескрываемым сочувствием президента Джоко Видодо, который до избрания главой государства в 2014 г. был губернатором Джакарты, а Ахок – его заместителем. Его главного соперника Аниса Басведана, победившего во втором туре, поддерживали партия Движение за великую Индонезию (мы будем использовать индонезийское сокращение Гериндра) во главе с отставным генералом Прабово Субианто, соперником Джоко Видодо на выборах 2014 г., мусульманская Партия национального мандата (формально входящая в правительственную коалицию) и Партия социальной справедливости.

С самого начала имелись признаки, что борьба идет не только и не столько за пост губернатора столицы. В разгар исламистской кампании против Ахока, еще в конце 2016 г., министр внутренних дел Индонезии Чахью Кумоловысказал предположение, что кое-кто надеется на волне демонстраций проложить себе путь к президентству¹. Президент Д. Видодо почти одновременно заявил, что за демонстрантами стоят политические игроки со своекорыстными интересами, воздержавшись от конкретизации вопреки настойчивым требованиям оппонентов². Дальнейшие события подтвердили слова президента. Вице-спикер парламента Фадли Зон (партия Гериндра) использовал свое положение для поддержки радикалов, выступавших против Ахока, фактически действуя в интересах кандидатов этой партии. Ариф Пойоно, заместитель генерального председателя Гериндра, говорил, что выборы в местные органы провинций Явы, включая Джакарту, должны проложить путь к победе на парламентских и президентских выборах 2019 г., причем на последних будет выступать П. Субианто³. При этом уже в конце 2017 г. опросы общественного мнения показали, что его вероятным партнером по тандему может быть Анис Басведан⁴.

Для политических позиций П. Субианто характерен эпизод 11 марта 2017 г., когда в одной из столичных мечетей отмечалась 51-я годовщина передачи генералу Сухарто полномочий по управлению страной от действовавшего президента Сукарно. Титик Сухарто, дочь генерала, организовавшая мероприятие, заявила, что это событие было важнейшей вехой на историческом пути Индонезии. По ее словам, под руководством Сухарто страна находилась на пороге небывалого рывка в своем развитии, которому помешал кризис 1997–1998 гг. (Она не упомянула при этом, что Индонезия оказалась наиболее уязвимой страной во всей Юго-Восточной Азии в этом кризисе. – А.Д.). Т. Сухарто заявила, что реформы после 1998 г. не пошли стране на пользу, разрыв между бедными и богатыми стал еще глубже, а демократия развивается по либеральному образцу, не отражая восточных ценностей. Примечательно, что присутствовали П. Субианто, Анис Басведан (тогда еще кандидат на пост губернатора Джакарты), вице-спикер парламента Фадли Зон, вице-спикер Народного консультативного конгресса (высшего законодательного органа) Нур Вахид и лидер Фронта защитников ислама Хабиб Басуки Ризик, непосредственный вдохновитель и организатор исламистских акций⁵.

Есть основания полагать, что П. Субианто и впредь будет использовать исламистов в качестве ударной силы в борьбе за президентский дворец. Во всяком случае, администрация Джакарты во главе с Анисом Басведаном заложила в бюджет города на 2018 г. 1,6 триллиона рупий (118,3 млн долл.) в виде субсидий некоммерческим организациям, по преимуществу мечетям и другим мусульманским структурам. Сообщая об этом, газета *The Jakarta Post* (22.11.2017) напоминала, что священнослужители в некоторых мечетях в ходе губернаторской кампании призывали верующих не совершать погребальные обряды над умершими, если они при жизни были сторонниками Ахока. По данным правозащитной организации *Setara Institute*, вследствие того, что в ходе кампании в Джакарте в ход были пущены религиозные и ксенофобные мотивы, столица обозначила себя как наименее толерантный город страны⁶.

¹ *The Jakarta Post*, 01.11.2016; *Kompas* (Jakarta), 02.11.2016.

² *The Straits Times* (Singapore), 05.11.2016.

³ *Suara Merdeka* (Jakarta), 28.03.2017.

⁴ *GATRAnews*, 05.12.2017.

⁵ *Republika* (Jakarta), 11.03.2017, *The Jakarta Post*, 13.03.2017.

⁶ *The Jakarta Post*, 17.11.2017.

Масштабной по своим последствиям акцией может оказаться судебное преследование спикера парламента и лидера Партии Голкар Сетья Нованто. В 2015 г. он был привлечен Комиссией по борьбе с коррупцией к ответственности по обвинению в злоупотреблениях в связи с введением в стране электронных удостоверений личности. В 2017 г. обвинение с него было снято, но в конце того же года возбуждено вновь, и С. Нованто был заключен под стражу. Это стало серьезным ударом по престижу партии, на которую по итогам выборов 2014 г. приходится 91 мандат из 560 депутатов парламента и почти четверть мандатов правительственной коалиции. Вместе с тем, заслуживает внимания высказывание вице-спикера парламента Фахри Хамза (Партия справедливости и процветания, поддерживающая П. Субианто), который призвал проанализировать политическую подоплеку преследования Сетья Нованто, поскольку, по его мысли, этот факт играет более важную роль, чем сравнительно слабо обоснованные правовые причины преследования⁷. В декабре 2017 г. на посту лидера Голкара был утвержден Аирлангга Хартарто, министр промышленности в кабинете Джоко Видодо. Примечательно, что его соперницей пыталась выступить Титик Сухарто, однако ее шансы оказались весьма невелики.

В контексте подготовки к выборам следует рассматривать и следующий факт. Активизация радикальных исламистов в связи с выборами губернатора Джакарты побудила президента 10 июля 2017 г. издать указ о статусе общественных организаций. В указе, в частности, были перечислены причины, по которым правительство имеет право распустить такие организации. Среди этих причин фигурировали акции, направленные против каких-либо этносов, рас или социальных групп, насильственные действия, нарушения общественного порядка, принятие на себя функций, относящихся к прерогативам правоохранительных органов, проповедь сепаратизма, а также учений и воззрений, противоречащих государственной идеологии⁸. Этот указ 24 октября 2017 г. был утвержден парламентом 314 голосами из 445 присутствовавших (в индонезийском парламенте 560 депутатов) и обрел статус закона. Против него проголосовали депутаты от Партии национального мандата, Партии справедливости и процветания, а также партии Гериндра. С оговорками поддержали закон депутаты от Партии единства и развития, Партии национального возрождения и Партии демократов.

Некоторые партии выражали опасения, что новый закон станет препятствием для свободного выражения мнений (в этом смысле высказался, в частности, глава одной из комиссий парламента депутат от Партии национального мандата Али Тахер Парасоно)⁹. Было бы неправильно недооценивать опасность религиозного экстремизма. Демократические преобразования не только открыли возможности для тех, кто стремится к модернизации общества, но и предоставили трибуну течениям и группировкам, стремящимся превратить страну в средневековое исламистское государство. Но опасность заключается в том, что в условиях сравнительно слабого гражданского общества возникает угроза использования лозунга защиты целостности государства и государственной идеологии для торможения демократического процесса. Так, министр внутренних дел Чахью Кумоло призвал вести борьбу с радикализмом на уровне деревенских общин, придав им полицейские функции «по той модели, которая действовала прежде»: «Если что-то не так, немедленно сообщать. О всяком, кто ночует в деревне, докладывать старосте... В былые времена даже о разбитом стекле через считанные часы все было известно – почему разбилось, кто виноват»¹⁰. Тревожащая нотка ностальгии по «новому порядку».

Вслед за этим последовал указ о лишении юридического статуса организации Хисбут Тахрир Индонесиа (Индонезийская партия независимости). Ее программная цель создания исламского халифата была расценена как противоречащая конституции, статья XVI (п. 5), которая исключает любые изменения в форме государственного устройства страны как унитарного государства. Хизбут Тахрир запрещена в целом ряде государств, в том числе и со значительным мусульманским населением. Что касается закона об общественных организациях, то видный индонезийский правовед Юсрил Иза Махендра, в частности, подвергает критике статью 4 (п. 5) закона, которая запрещает исповедовать и распространять взгляды, противоречащие государственной идеологии. Он полагает, что эта статья подвержена различным толкованиям¹¹. Государственная идеология Индонезии – панчасила (пять принципов), включенная в преамбулу Конституции Индонезии, включает в себя 1) веру в Единого Бога-вседержителя; 2) справедливость и цивилизованный гуманизм; 3) единство Индонезии; 4) демократию, направляемую стремлением к достижению единогласия на основе консультаций и представительства; 5) социальную справедливость для всего народа Индонезии. Эти принципы действовали в качестве высшей и непререкаемой истины в годы четырех исторических периодов в Индонезии – парламентском либеральном до 1957 г., авторитарно-популистском в 1957–1965 гг., авторитарно-репрессивном в 1966–1998 гг., реформаторском, достаточно демократическом после 1998 г. Этот перечень достаточно убедительно демонстрирует тот факт, что толкование панчасила находится полностью в руках властей преобладающей и осуществляется в духе преобладающей политической конъюнктуры. На это еще

⁷ *Suara Merdeka*, 30.11.2017.

⁸ *Antara*, 14.07.2017.

⁹ *Ibid.*, 06.11.2017.

¹⁰ *Ibid.*, 06.11.2017.

¹¹ *Ibid.*, 18.10.2017.

в 1995 г. обращал внимание отечественный индонезиевед В.А. Цыганов, отмечая, что если во времена «направляемой демократии» Сукарно политическим партиям еще разрешалось иметь собственную идеологию (ислам у мусульман, мархаэнизм у левых националистов, марксизм у Компартии Индонезии), то при «новом порядке» панчасила была закреплена как единая и единственная идеология, абсолютно исключаящая все прочие течения (мусульманской Партии единства и развития было запрещено даже иметь на своем гербе изображение Каабы). В.А. Цыганову принадлежит вывод, что государственная идеология приобрела местозамещающий характер, вытеснив все остальные¹².

Отметим два факта. Первое: в определении статуса государственной идеологии в современной Индонезии сохраняются в целом те ограничения, которые были установлены «новым порядком». Второе: заполняя все идеологические ниши, панчасила оказалась в известном смысле в идейном вакууме, вне конкуренции, а это грозит неизбежным застоём, утратой способности адаптироваться к изменениям в обществе, в общественном сознании. Достаточно сказать, что, по словам президента Д. Видодо, в 2017 г. в стране было 132,7 млн пользователей интернета и 92 млн пользователей гаджетов¹³. Из этого следует, что власть давно уже не обладает монополией на информацию и ее интерпретацию. И если сейчас, при правительстве Джоко Видодо, можно ожидать, что этот закон будет использоваться с должной осторожностью, то в дальнейшем исключать злоупотреблений нельзя.

Индонезийский филиал организации *Amnesty International* в октябре 2017 г. опубликовал материал из 19 пунктов, в котором перечислялись проблемы в области обеспечения прав человека, оставшиеся нерешенными после трех лет пребывания у власти кабинета президента Д. Видодо¹⁴. В целом этот перечень не вызывает возражений. В него вошли случаи ограничения свободы мнения и высказываний, нарушения свободы вероисповеданий и прав религиозных меньшинств, нерешенность проблем, связанных с массовыми репрессиями 1965–1966 гг. и ряд других. Думается, однако, что предъявлять этот счет правительству со столь небольшим стажем не совсем оправданно. Эти претензии следует рассматривать в контексте всего опыта эпохи реформ, начавшихся в 1998 г. (в 2018 г. ей соответственно исполняется 20 лет) и того политикокультурного багажа, который Индонезия и, в первую очередь, ее элиты унаследовали от предыдущих режимов.

Процесс институирования и практического обеспечения прав человека далеко не полностью зависит от доброй воли исполнительной власти, хотя таковая и является необходимым условием. Вспомним, что, может быть, самым радикальным реформатором, по крайней мере, на начальном этапе, был видный мусульманский деятель Абдуррахман Вахид (президент Индонезии в 1999–2001 гг.), за что фактически был подвергнут импичменту под давлением военного лобби и консервативного крыла гражданской элиты. Падение авторитарного режима в мае 1998 г. не было революцией, поэтому в эру необходимых реформ страна вступила с той же элитой, с той же бюрократией и во многом с той же психологией и политической культурой. Это значит, что представления о ценности личности, ее основных правах не претерпели коренных изменений на уровне большинства элиты, как и политическая культура общества. А эта последняя включает степень востребованности обеспечения основных прав человека хотя бы только активной частью общества в качестве первоочередной и непреходящей ценности. В 2006 г. президент С.Б. Юдойоно, выступая перед членами индонезийского Фонда правовой помощи признал существование глубокого разрыва между желаемым и действительным в деле становления в Индонезии правового государства, обеспечения в Индонезии основных прав человека и гражданских прав индонезийцев¹⁵.

Сразу же после падения военно-авторитарного «нового порядка» в 1998 г. высший законодательный орган страны Народный консультативный конгресс принял в 1999–2002 гг. четыре пакета поправок к конституции, которые в корне изменили основной закон страны в сторону его демократизации и модернизации. Формально было покончено с доктриной так называемой двойной функции армии, в соответствии с которой вооруженные силы наряду с обеспечением обороны страны от внешних угроз выступали в качестве самостоятельной политической группировки, а в рамках предыдущего режима фактически в качестве правящей организации и аппарата власти. Были расширены функции и самостоятельность законодательных органов, ограничено двумя пятилетними сроками пребывание на посту президента, создана вторая палата парламента – Совет представителей регионов, и в 2000 г. в конституцию был включен новый раздел «Основные права человека», состоящий из 10 статей. Новые положения, включенные в закон, в целом охватывали все аспекты существования гражданина в их физическом, политическом и правовом аспектах, предусматривали все свободы в их современном понимании.

Можно предположить, что эти изменения были внесены под воздействием некоей общей эйфории, вызванной падением авторитаризма, избавления от фактического произвола военных структур. Другой вопрос, в какой степени нация предыдущим ходом своей истории была подготовлена к принятию этих изменений, означавших коренную модернизацию политической системы. Для их реализации, внедрения

¹² Цыганов В.А. «Местозамещающий» характер политической системы Индонезии // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. №1 (1995). С. 12.

¹³ *GATRAnews*, 11.11.2017.

¹⁴ *Republika*, 20.10.2017.

¹⁵ *Kompas*, 06.11.2006.

в повседневную жизнь требовались добрая воля и упорство политической элиты, внутри которой, однако, очень вскоре начал проявляться заметный скептицизм в отношении справедливости и уместности изменений конституции. Так, в ходе кампании 2014 г. кандидат в президенты П. Субианто сетовал на то, что в стране более не действует принцип семейной сплоченности и консенсуса. «Принцип один человек – один голос на прямых выборах есть подражание Западу, но не соответствует нашей самобытности»¹⁶, – говорил он накануне выборов, не отказываясь, однако, от участия в них.

В конце 2015 г. делегация Движения за спасение унитарного государства Республики Индонезии во главе с генерал-лейтенантом в отставке Приянто посетила спикера Народного консультативного конгресса Зулкифли Хасана и вручила ему петицию с призывом вернуться к первоначальному варианту основного закона во избежание политических и социальных бедствий. В составе делегации были, в частности, дочь первого президента страны и сестра пятого главы государства Рахмавати Сукарнопутри и бывший главком вооруженных сил генерал в отставке Джоко Сантосо¹⁷.

В 2016 г. Зулкифли Хасан, глава того самого органа, который принимал поправки к конституции, выступая перед студентами, заявил, что с принятием поправок основной закон страны претерпел коренные изменения и не отражает устремления отцов-основателей государства: «Нынешняя демократия в Индонезии слишком похожа на западные образцы»¹⁸.

Наконец, главнокомандующий вооруженными силами страны генерал Г. Нурмантьо, выступая перед кадровыми работниками мусульманской организации Мухаммадья, одной из двух крупнейших в Индонезии) 4 июня 2017 г., сказал: «В настоящее время демократия в том виде, в каком она осуществляется, уже не соответствует идеологии панчасила. Демократия ныне основана не на консультациях для достижения согласия, как это предусмотрено четвертым принципом панчасила, а на голосовании. Это противоречит и пониманию демократии в мусульманской религии». По его оценке государственная идеология формально более не является высшим источником права. В этой связи он призвал всю общественность, а не только армию, последовательно осуществлять ее принципы¹⁹, что по умолчанию означает возможность не принимать во внимание поправки, внесенные в основной закон.

Обратим внимание на то, что практически во всех случаях нападкам подвергается принцип голосования при принятии политических решений, т.е. тот метод, когда гражданин имеет возможность суверенного осуществления своих прав. Четвертый принцип панчасила, предполагающий стремление к единогласию на основе консультаций и представительства, ввиду его очевидной обтекаемости и подверженности широкому спектру толкований, не обеспечивает, на наш взгляд, такой суверенитет и, скорее, воплощает отношения, присущие общинному укладу.

Избрание в 2014 г. на пост президента Индонезии Джоко Видодо, который, по всей вероятности, будет претендовать на второй срок в 2019 г., знаменовало некоторые перемены в политической культуре индонезийцев. Губернатор столицы с 2012 г., до этого мэр города Суракарта (Соло), провинция Центральная Ява, сделавший ранее состояние в мебельной промышленности, Джоко Видодо, в отличие от всех своих предшественников (может быть, кроме первого главы государства Сукарно) не является выходцем из гражданской, военной или мусульманской элиты. Это в полном смысле слова «self-made man». Сделаем оговорку, что в его выдвижении сыграла известную роль Демократическая партия Индонезии (борющаяся) во главе с Мегавати Сукарнопутри, унаследовавшей харизму своего отца Сукарно. Но если М. Сукарнопутри и ожидала, что Д. Видодо будет ее послушным питомцем, то вскоре он начал проявлять изрядную самостоятельность при полном сохранении яванского политеса.

В то же время не будем сбрасывать со счетов тот факт, что на выборах 2014 г. немногим менее половины избирателей проголосовали за отставного генерала Прабово Субианто, бывшего зятя Сухарто, который в начале 1998 г. командовал Стратегическим резервом сухопутных войск. Его имя тогда связывали с многими нарушениями прав человека, включая подавление антиправительственных демонстраций и похищение активистов.

Д. Видодо далеко не свободен от давления окружающей его традиционной элиты с ее групповыми интересами. Один из 19 пунктов, о которых говорилось выше, содержит констатацию, что правительство не предпринимает должных мер по рассмотрению нарушений прав человека, относящихся к 1965–1966 гг. На сердце и совести индонезийского народа лежит еще не смытое пятно – организованные в эти годы армией зверские расправы над членами левых организаций, унесшие жизни, по крайней мере, миллиона человек. Еще Абдурахман Вахид, будучи президентом в 1999–2001 гг., пытался восстановить историческую справедливость, и это стало одной из причин его импичмента. Д. Видодо, который в отличие от многих его окружающих представителей элиты не причастен к этому террору ни политически, ни исторически, ни нравственно, пытался достичь национального примирения по этой проблеме. Он, однако,

¹⁶ Kompas, 29.06.2014.

¹⁷ GATRAnews, 15.12.2015.

¹⁸ Antara, 05.02.2016.

¹⁹ GATRAnews, 05.06.2017.

подвергся массированному давлению со стороны армии и части мусульманской элиты и, по крайней мере, на время должен был отступить. Главком вооруженных сил генерал Гатот Нурмантьо в сентябре–октябре 2017 г. организовал массовый просмотр фильма об этих событиях в версии, принятой «новым порядком», виновным в тех правонарушениях, и фактически вынудил президента присутствовать на одном из таких сеансов на территории военного штаба. Министр-координатор отставной генерал Л. Панджаитан призывает «не тратить излишне много времени на обсуждение этой проблемы и сосредоточиться на более актуальных вопросах»²⁰.

Бывший председатель Конституционного суда Индонезии Махфуд М.Д. высказался в том смысле, что режим, который обвиняется в нарушении прав человека, уже не существует, поэтому нет смысла обсуждать этот вопрос²¹.

Правоохранительные органы фактически пошли на поводу у исламистов, запрещая форумы, имеющие целью установить истину о трагических событиях. Об одном из таких инцидентов, имевшем место в сентябре 2017 г., когда были сорваны мероприятия, проводившиеся Фондом правовой поддержки, говорится и в меморандуме *Amnesty International*. Нередко за подобными эксцессами стоит армия²².

«Медвежьёу услугу» сторонникам замалчивания проблемы оказала администрация США, рассекретив в 2017 г. очередную партию документов, из которых следует, что в 1965–1966 гг. Вашингтон активно поддерживал армию в развёртывании кампании вначале против левых организаций, а затем против президента Сукарно. В этой ситуации можно понять, почему индонезийцы, независимо от политической ориентации, скептически воспринимают претензии США на роль авангарда борьбы за демократию и права человека. Поэтому эта проблема имеет и еще один аспект. В известной мере идея прав человека скомпрометирована активной ролью Вашингтона в ее пропаганде.

В целом отношение в Индонезии к событиям 1965–1966 гг. есть весьма важный индикатор уровня развития демократии и уважения к правам человека – права на жизнь, на политические воззрения, права знать истину.

Некоторые из 19 пунктов посвящены нарушениям прав человека в религиозной сфере. Религиозность («вера в Единого Бога») фигурирует в качестве первого пункта государственной идеологии и заложена в преамбулу основного закона страны. В списке *Amnesty International* перечислены случаи преследования религиозных меньшинств – закрытие десяти христианских церквей в провинции Аче, преследования сторонников секты Ахмадия на острове Ломбоке, шиитов в Сампанге и других местах. Об Аче следует говорить отдельно. Соглашение 2005 г. между правительством Индонезии и сепаратистами в этой провинции, расположенной на северной оконечности острова Суматры, формально положило конец десятилетиям сепаратистского движения. Население Аче отличается приверженностью к наиболее ортодоксальным канонам ислама. Власти провинции, добившись автономии в больших пределах, чем другие области страны, использовали ее для институционализации исламского права, получившего фактический приоритет перед позитивным правом. Были введены в действие практически в полном объеме нормы шариата, предусматривающие тюремное заключение сроком до 40 месяцев и/или телесные наказания (публичная порка до 100 ударов палкой) и денежный штраф за употребление спиртных напитков, азартные игры, интимные отношения между лицами, не состоящими в законном браке, за ношение женщинами обтягивающих брюк, отсутствие у них головного платка. Наказуется также манкирование молитвами в мечети, следование девиантным учениям и верованиям²³. За два года – с октября 2015 по октябрь 2017 г. порке палками были подвергнуты более 530 человек, том числе десятки мужчин и женщин были наказаны за поцелуи в общественных местах, прелюбодеяние и однополый секс²⁴.

Ситуация в Аче, где фактически не полностью действуют законы Республики Индонезии, опасна не только тем, что нарушаются права ачехцев, но и демонстрационным эффектом, играя на руку радикальным исламистам в других регионах.

Хотя государственные и религиозные деятели Индонезии в большинстве своем позиционируют страну как образец религиозной и этнической терпимости, в прессе, в политических дискуссиях и политической практике фигурируют и противоположные факты. Наиболее красноречивыми в этом отношении были ход и результаты губернаторских выборов в Индонезии, о чем говорилось выше. Как пишет начальник одного из управлений Министерства образования и культуры Хамид Мухаммад, есть свидетельства проявлений в школах нетерпимости, которую проповедают отдельные личности и даже группировки, считающие, что Индонезия принадлежит только людям, принадлежащим к определенной группе²⁵.

²⁰ *Republika*, 19.09.2017.

²¹ *Antara*, 22.10.2017.

²² *Republika*, 20.10.2017.

²³ *The Jakarta Post*, 07.02.2017.

²⁴ *Ibid.*, 23.10.2017.

²⁵ *Republika*, 24.11.2017.

В прессе неоднократно появлялись сообщения о том, что полиция проявляет иногда неоправданную терпимость по отношению к нарушителям свободы вероисповедания. Енни Вахид, директор правозащитного института им. Абдуррахмана Вахида, указывала, что полицейские часто действуют в пользу большинства и препятствуют деятельности меньшинств, ссылаясь на необходимость обеспечения безопасности и предотвращения конфликтов²⁶.

В начале 2017 г. представитель государственной полиции по связям с общественностью Ави Сетийоно признал, что во многих случаях офицеры полиции не проявляют достаточной твердости в утверждении законности против носителей религиозной нетерпимости, что способствует ее росту. Начальник государственной полиции Тито Карнавиан неоднократно требовал более жесткого подхода к таким акциям, в том числе и к тем, которые опираются на фетвы, издаваемые Советом улемов Индонезии. Сравнительно недавно речь шла о событиях в Сурабае, где полицейские сопровождали радикальных исламистов в их рейдах по торговым центрам и предприятиям общественного питания, чтобы проверить, не носит ли персонал в канун Рождества колпаки Санта Клауса, что запрещалось фетвами Совета улемов. В декабре 2017 г. начальник полиции Джакарты генерал Идхам Азиз отдал распоряжение полицейским структурам столицы не допускать рейдов, направленных против рождественских атрибутов. «Мы должны обеспечить нормальное празднование Рождества», – указал он²⁷.

Заметим, что Тито Карнавиан вмешался в этот вопрос по прямому указанию президента Джоко Видодо. Это было едва ли не первым случаем, когда власть заняла столь определенные позиции, что, по видимому, было вызвано отчетливым ощущением угрозы исламистского экстремизма.

Отдельного внимания заслуживает проблема прав этнических меньшинств, и здесь в первую очередь речь идет о положении этнических китайцев. Составляя всего около 3% населения Индонезии, эта община контролирует до 70% корпоративного капитала, и это издавна порождало неприязненные чувства со стороны других этносов. Антикитайские погромы имели место в эпоху Сукарно, когда на уровне «корней травы» именно китайцам (в целом безосновательно) приписывались все экономические трудности, с которыми сталкивались рядовые индонезийцы. В период военно-авторитарного «нового порядка» запрету подверглись китайские праздники, использование иероглифов, общественные организации хуацяо, оказывался жесткий нажим с целью побудить китайцев сменить свои имена на индонезийские. Должностные лица за вознаграждение оказывали покровительство дельцам китайского происхождения (отсюда распространенная поговорка «у каждого генерала свой китаец, у каждого китайца свой генерал»). Это усиливало неприязнь коренного населения к хуацяо, в руках которых находилась в основном розничная торговля, и именно через них воспринимались рост цен и углубление социального неравенства.

Политический кризис, приведший к падению «нового порядка» в мае 1998 г., ознаменовался жестокими антикитайскими погромами. Они отразили высокий уровень социальной напряженности, которая до поры сдерживалась армией и спецслужбами. Можно предположить, что именно эти институты постарались направить социальное возмущение по антикитайскому пути и не допустить, чтобы оно обратилось против правящей элиты – той же армии, бюрократии, системных партий.

В числе первых мероприятий, осуществленных в рамках демократических реформ президентом А. Вахидом (1999–2001), была отмена всех ограничений, введенных «новым порядком» против китайской общины – разрешено использование иероглифов в печати и на вывесках, легализовано конфуцианство в качестве шестой из официально признанных религий. Очень важный урок, который следует из индонезийского опыта, заключается в том, что открытость в политической и экономической жизни способствует преодолению или, по крайней мере, смягчению межэтнических противоречий. Так, открытость в социально-экономической сфере показала, что китайская община при всем своем влиянии не диктует своих условий и ее деятельность не противоречит национальным интересам.

Является фактом, что в условиях демократических реформ после 1998 г. антикитайские акции в целом сократились и по числу, и по масштабам. Но упоминавшиеся выше события, связанные с выборами губернатора Джакарты, выявили в этой связи, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, глубинные антикитайские ксенофобные предрассудки были вытасканы на поверхность против участвовавшего в выборах достаточно популярного кандидата этнического китайца. Во-вторых, обратились к этим предрассудкам как сугубо светские группировки с целью завоевать позиции в Джакарте в преддверии президентских и парламентских выборов, так и некоторые мусульманские партии. Лидер Партии национального мандата Амин Раис в многочисленных выступлениях в самой резкой форме призывал своих слушателей голосовать за кого угодно, только не за Ахока. Его не останавливала критика со стороны Совета улемов и многомиллионной мусульманской организации Мухаммадья, которую Амин Раис в свое время возглавлял. Доходило до того, что А. Раис называл своего противника *dajjal*, что в мусульманской религии примерно соответствует антихристу в христианстве²⁸.

²⁶ *The Jakarta Post*, 25.02.2016.

²⁷ *Ibid.*, 06.01.2017, 08.12.2017.

²⁸ *Ibid.*, 19.09.2016.

Политические технологии, сопряженные с применением методов, нарушающих права этнических и религиозных меньшинств, были широко использованы в этой кампании. Противники Ахока воспользовались его выступлением перед избирателями, где он призвал их не позволять себя одурачивать ссылкой на стих Кораны (5, 51), в котором говорится: «О, вы, которые уверовали! Не берите иудеев и христиан друзьями: они друзья один другому. И если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них. Поистине, Аллах не ведет людей неправедных» (перевод И.Ю. Крачковского). Он имел в виду аргументы, которые использовали против него радикальные исламисты во главе с Фронтом защитников ислама. И хотя он был, на наш взгляд, совершенно прав и ссылки его противников на этот стих Корана были вопиющим нарушением конституции и государственной идеологии, Фронт защитников ислама обвинил его в богохульстве, и это в конечном итоге привело Ахока к поражению, хотя его противник имел сравнительно незначительный перевес.

Недооценивать уровень антикитайских настроений было бы опасно. В 2016 г. в г. Танджунгбалай на Сев. Суматре были сожжены несколько культовых сооружений этнических китайцев после того, как одна китайка пожаловалась на громкость призывов, раздающихся с минаретов мечетей. Как сообщала печать, некоторые хуацяо, опасаясь повторения погромов 1998 г. выехали в Малайзию и Сингапур²⁹. Но если здесь можно говорить, что китайка проявила, мягко говоря, неосторожность по отношению к мусульманам, то имеют место и противоположные ситуации. Избранный в 2017 г. губернатором Джакарты Анис Басведан в речи по случаю вступления в должность заявил, что жители Джакарты из числа коренного населения (*pribumi*) в течение столетий подвергались угнетению: «Теперь, в условиях независимости настало время нам стать хозяевами в своем доме. Да не будет в Джакарте по той поговорке: утка несет яйца, а утят получает курица. Одни трудятся в поте лица, а результаты достаются другим»³⁰. Термин *pribumi* в значении «коренное население» издавна употребляется для противопоставления коренных индонезийцев китайскому этническому меньшинству. Президент Б.Ю. Хабиби, ставший главой государства после падения «нового порядка», запретил употребление терминов «коренной» или «некоренной» в применении к гражданам Индонезии. Представитель общественной организации «Движение панчасила» совместно с молодежной организацией Демократической партии Индонезии (борющейся) подал заявление в управление уголовного розыска, обвиняя губернатора Аниса Басведана в нарушении закона №40 (2008 г.) «Об искоренении расовой и этнической дискриминации»³¹.

Опыт последних лет, в особенности, выборы в Джакарте показывают, что нарушение прав этнических и конфессиональных меньшинств происходит часто не в результате спонтанных выбросов ксенофобии на низовом уровне, а вследствие апелляции к этим инстинктам и настроениям со стороны достаточно высоких слоев светской элиты. Но можно сделать и еще один вывод. Современный период развития Индонезии (последние годы) характеризуются относительно высокими и устойчивыми темпами развития экономики (5,1% роста ВВП в 2017 г.), и это способствует созданию определенного уровня социальной стабильности. Какие-либо кризисные явления, ведущие к ухудшению жизненного уровня, могут с большой вероятностью спровоцировать рост и радикализацию ксенофобных настроений и акций.

Amnesty International не без оснований поставила в упрек правительству нарушения прав человека в провинциях Папуа и Западное Папуа, аресты активистов Национального комитета Западного Папуа, признавая при этом, что именно в последние годы сократилось число арестов по обвинению в заговорщической деятельности. Эта проблема уходит корнями в проводившуюся десятилетиями политику непродуманного переселения в эти провинции избыточного населения, главным образом, с острова Явы. Переселенцы в расовом, религиозном и цивилизационном отношении резко отличаются от коренного населения и, нередко, будучи социально более активными, вытесняют местных жителей из некоторых сфер жизни. При разработке полезных ископаемых часто наносится ущерб территориям, которые в соответствии с обычным правом считаются неприкосновенными. Немалую роль сыграла и неравномерность экономического и социального развития при отставании восточных регионов. Неравенство порождает недовольство, выливающееся в сепаратистские настроения, захват заложников, партизанские действия, влекущие за собой ответные насильственные действия со стороны армии и полиции. Эти действия в ряде случаев не ограничиваются рамками необходимого и граничат с нарушениями прав человека. В своей предвыборной программе в 2014 г. Джоко Видодо третьим пунктом обозначил «развитие Индонезии с окраин, укрепление позиций регионов и сельской местности в рамках единого государства»³².

Д. Видодо подчеркивает опасности для государства, проистекающие из неравномерности развития регионов, которая порождается, в частности, отсутствием необходимой инфраструктуры. В результате, например, в некоторых районах Папуа цена бензина в 10–15 раз выше, чем на Яве. В развитии инфраструктуры он видит путь к достижению равенства и справедливости. Президент указывает, что неразвитость инфраструктуры приводит к тому, что транспортные и логистические

²⁹ *Ibid.*, 11.08.2016.

³⁰ *Republika*, 18.10.2017.

³¹ *Antara*, 18.10.2017.

³² Цит. по: *Suara Pembaruan*, 20.10.2015.

расходы в Индонезии в два–два с половиной раза выше аналогичных расходов соседних стран, что подрывает конкурентоспособность экономики страны³³, хотя, конечно свою роль играют и объективные факторы – масштабы государства и его островной характер. Что касается принципа социальной справедливости, то на сентябрь 2013 г., незадолго до вступления Д. Видодо на пост главы государства, по стране в целом число бедных граждан составляло 11,47%, а на Молуккских островах и в Папуа – 24,24%, из 3000 деревень в стране, не имеющих электрического освещения, 2000 приходится на Папуа. Президент Д. Видодо обещает, что электрификация Папуа будет завершена в 2018 г.³⁴

Объяснимую остроту приобрел вопрос о наличии в удостоверениях личности (паспортах) индонезийцев графы «вероисповедание». Газета *The Jakarta Post* писала: «Обязанность заполнять графу о вероисповедании часто способствует дискриминации. Когда же был принят закон, позволяющий оставлять эту графу незаполненной, многие чиновники оказались не осведомлены об этом и отказываются принимать удостоверения если их владельцы не избрали одну из шести официально признанных религий... С другой стороны, закон о наказании за богохульство угрожает тем, кто оставляет графу незаполненной. Они могут быть привлечены к ответственности и наказаны как атеисты, а указание одной из официальных религий может повлечь наказание за фальсификацию»³⁵.

В последние годы не раз поднимался вопрос об удалении этой графы из документов во избежание межконфессиональных конфликтов. Главным возражением против удаления была ссылка на то, что религиозность является первым из пяти принципов государственной идеологии. Разрешение оставлять эту графу незаполненной не решало бы проблему потому, что приравнивало гражданина к атеистам, а следовательно, к коммунистам, что, в особенности, во времена «нового порядка» несло за собой немало опасностей. Кроме того, носители документов с незаполненной графой «вероисповедание» сталкивались бы с трудностями при регистрации браков, которые подлежат признанию со стороны религиозных инстанций и лишь после этого узакониваются государственными органами. Сложности возникали при устройстве на работу, при обращении за социальными услугами и т.п.

Масштабы и многоплановость этой проблемы в очередной раз обозначились во всем объеме, когда в ноябре 2017 г. Конституционный суд Индонезии в ответ на обращение группы граждан принял решение, которое позволяет включать в эту графу наименование одного из многочисленных традиционных верований. Таковых, по данным Министерства образования и культуры, в 2016 г. насчитывалось около 1200 с примерно 12 млн последователей³⁶. По другим данным – Министерства внутренних дел – их число равно 187, да и различия между ними скорее в названиях³⁷. Отметим, что вплоть до настоящего времени вопросы о верованиях относятся к ведению не Министерства по делам религий, а Министерства образования и культуры.

Правозащитники назвали решение Конституционного суда историческим и из ряда вон выходящим в контексте продолжавшейся в течение десятилетий после падения «нового порядка» борьбы за признание прав последователей верований и за прекращение их дискриминации. При этом указывается, однако, что еще предстоит привести ряд действующих законов в соответствие с этим постановлением. Его одобрили две крупнейшие мусульманские организации страны – Нахдатул Улама и Мухаммадья³⁸.

Мусульманская Партия единства и развития отрицательно восприняла постановление суда. Ее лидер Джан Фаридз заявил: «Религия есть учение, ниспосланное Богом и имеющее священные книги, тогда как верования порождены культурой, бытующей внутри общества и не проистекающей из священных книг». Вице-спикер Народного консультативного конгресса Нур Вахид (Партия справедливости и процветания) предсказал, что за решением Конституционного суда последуют весьма долгие дискуссии, тем более, что есть вероятность возникновения новых и новых верований³⁹.

Категорически против постановления суда выступил Совет улемов Индонезии. Его генеральный председатель Маруф Амин заявил, что суд приравнивал верования к религии и это таит в себе серьезную опасность. Двумя неделями позже он же предложил ввести для сторонников вероисповеданий особые удостоверения личности и сообщил, что Совет сожалеет о принятом судом неосмотрительном решении и эта позиция является окончательной⁴⁰. Министр внутренних дел Чахью Кумоло заявил, что правительство

³³ *Antara*, 17.11.2017.

³⁴ *Suara Karya* (Jakarta), 03.01.2014; *Antara*, 20.12.2017.

³⁵ *The Jakarta Post*, 09.08.2017.

³⁶ *Ibid.*, 14.11.2017.

³⁷ *Suara Pembaruan*, 15.11.2017.

³⁸ *The Jakarta Post*, 14.11.2017.

³⁹ *Republika*, 15.11.2017.

⁴⁰ *Ibid.*, 16.11.2017; *Antara*, 29.11.2017.

выполнит решение Конституционного суда, но проявит при этом необходимую осторожность, координируя действия всех заинтересованных ведомств⁴¹.

В этой связи рассмотрим, как этот вопрос освещен в Конституции Индонезии. Статья 29 главы XI (в нее поправки не вносились) гласит, что индонезийское государство основывается на принципе веры в единого Бога-вседержителя (первый принцип государственной идеологии). Это фактически предполагает религиозность обязательной для всех индонезийцев. Неверие в Бога фактически противопоставляет человека всему обществу. Статья 28Е (п. 1) постулирует, что каждый человек свободен исповедовать религию и отправлять ее предписания в соответствии со своей религией (глава ХА, «Основные права человека», включенная в основной закон в 2000 г.). При этом в соответствии со статьей 28I данной главы, это право не может умаляться ни при каких условиях.

Статья 29 (п. 2) главы XI гласит: «Государство гарантирует свободу каждого человека, проживающего в стране, исповедовать религию и отправлять предписания своей религии и верования». Последние слова этого пункта оказались подверженными произвольному толкованию. Так, заместитель председателя Комиссии по фетвам Совета улемов Индонезии Фахми Салим настаивает на том, что под словом «верования» имеется в виду сама религия, которую исповедует верующий, а отнюдь не нечто, находящееся вне религии. На этом основании он считает, что верования не могут указываться в графе «религия» в удостоверениях личности граждан⁴².

Главный вывод из сказанного выше заключается в том, что индонезийское общество и власть столкнулись, возможно, более отчетливо, чем когда-либо раньше, с последствиями того, что религия не отделена от государства. Отсюда противоречие между фактическим огосударствлением религии, отраженном, в частности, в присутствии графы «вероисповедание» в паспортах, и потребностями модернизации общественных и политических структур, между демократизацией и государственным регулированием духовной жизни граждан.

В своем роде знаковыми были события, связанные с годовщиной митинга 2 декабря 2016 г. в рамках кампании против Басуки Чахайя Пурнама (Ахока). Хотя, по словам его организаторов, митинг 2 декабря 2017 г. был приурочен преимущественно ко дню рождения пророка Мухаммеда, он совершенно очевидно вписывался в предвыборные схемы. В подготовке митинга активно участвовали вице-спикеры парламента от Партии справедливости и процветания Фахри Хамза и от партии Гериндра Фадли Зон. Как уже говорилось, лидер этой последней Прабово Субианто рассматривается как наиболее вероятный соперник Джоко Видодо на президентских выборах 2019 г. Таким образом, вновь обозначилась ставка на радикальных исламистов, характерная для этих партий еще в 2016 г. Организаторы митинга, впрочем, сочли нужным заявить, что ни одна политическая партия не является спонсором митинга⁴³. Перед собравшимися выступил Амин Раис, один из лидеров Партии национального мандата, формально входящей в правительственную коалицию. Он заявил, что эхо этого митинга должно прокатиться по всему миру⁴⁴. Митинг получил полную поддержку от губернатора Джакарты Аниса Басведана, которого на выборах в начале года выдвигали Партия справедливости и процветания и Гериндра⁴⁵.

Предварительно сообщалось, что к этому событию в страну возвратится лидер Фронта защитников ислама Хабиб Ризик Шихаб⁴⁶, укрывающийся в Саудовской Аравии от преследования по обвинению в распространении порнографии в интернете. Его возвращение не состоялось, но на митинге было озвучено его обращение с призывом принять шариат как основы унитарного государства Республики Индонезии. При этом государство должно руководствоваться принципом консультаций, защищать все религии от богохульства. Он заявил также, что коренные индонезийцы должны стать хозяевами своей страны и быть готовыми выступать в защиту Аллаха, Корана, улемов и государства, основанного на вере в Аллаха⁴⁷. Формально сославшись на официальную формулировку характера государства и защиту всех религий, лидер ФЗИ одновременно потребовал создания исламистского государства вопреки конституции страны.

Правительство не скрывало своего отрицательного отношения к митингу. Министр-координатор Виранто заявил, что в этом мероприятии нет надобности, не стоит возвращаться к прошлогодним проблемам, лучше сосредоточиться на текущих задачах развития страны, избегая всего, что может привести к расколу⁴⁸. Министр по делам религий Хаким Саифуддин в день проведения митинга высказался за то,

⁴¹ *Suara Pembaruan*, 15.11.2017.

⁴² *Republika*, 19.11.2017.

⁴³ *Suara Merdeka*, 02.12.2017.

⁴⁴ *Ibid.*, 02.12.2017.

⁴⁵ *Republika*, 29.01.2017.

⁴⁶ *Ibid.*, 27.11.2017.

⁴⁷ *Suara Pembaruan*, 02.12.2017.

⁴⁸ *Antara*, 29.11.2017.

чтобы в век, когда с помощью информации и высоких технологий распространяется ненависть, религия стала средством «очеловечения людей», не следует допускать злоупотребления религией в интересах, противоречащих ее основам и целям⁴⁹. Совет улемов Индонезии также не поддержал идею проведения митинга. Его председатель Маруф Амин заявил, что все цели уже достигнуты и нет необходимости к ним возвращаться. Новый митинг лишь провоцирует предубеждения, антиправительственные инсинуации и агитацию⁵⁰. Будущее покажет, отражает ли этот пассаж позитивные коррективы в позиции СУИ по отношению к правительству Д. Видодо.

Как представляется, из близкой к кризисной ситуации 2016–2017 гг., вызванной выборами в Джакарте, с наибольшими для себя обретениями вышла армия. На фоне активизации радикальных исламистов, бесхребетности большинства партий правительственной коалиции и откровенного поиска собственной выгоды другими партиями армия выступила как наиболее надежный столп государственности и порядка. Имя главнокомандующего вооруженными силами генерала Гатота Нурмантьо не покидало центральное место в средствах массовой информации. Он выступал перед самыми различными аудиториями и по различным поводам, но лейтмотивами были сохранение целостности страны, защита ее от внутренних и внешних угроз.

Создавалось впечатление, что президент не всегда одобрял некую суверенность главкома. В январе он призвал армию придерживаться единых позиций в подходе к проблемам и вызовам современности⁵¹, распространились слухи, что он сделал даже выговор генералу за излишнюю самостоятельность в политических вопросах⁵². Вместе с тем после террористического акта в конце мая 2017 г. в Джакарте Д. Видодо высказался в пользу более широкого привлечения армии к борьбе с терроризмом⁵³. Это отвечало чаяниям генералитета, потому что означало самостоятельное участие армии во внутривнутриполитических акциях и операциях, что противоречит закону о статусе вооруженных сил, в соответствии с которым армия участвует в таких акциях только в порядке содействия полиции.

В середине ноября 2017 г. Д. Видодо выступил на симпозиуме по проблемам национальной культуры, организованном Союзом отставных офицеров сухопутных войск, организации, известной консервативными позициями во всем, что касается внутренней политики. Президент весьма нелицеприятно оценил уровень мышления политической элиты страны, которая, по его мнению, не способствует привитию обществу и, в частности, молодому поколению позитивных идей. Он осудил также выпады против ислама и улемов. Цель симпозиума заключалась в выработке предложений правительству, касающихся совершенствования национального самосознания, воспитания населения в духе защиты государства, развития культуры, формирования национального характера⁵⁴.

Уже в середине 2017 г. в прессе появились сообщения, что Г. Нурмантьо, выйдя на пенсию по возрасту в 2018 г., примет участие в президентской кампании⁵⁵.

Характерно, что, казалось бы, в это время политическая активность генерала снизилась, однако, ее центр при этом переместился в системные религиозные структуры. Так, выступая в Исламском университете Бандунга с докладом «Пусть Индонезия победит в глобальной конкуренции», он повторил свой тезис, что страна должна выстоять в условиях общемировой борьбы за источники сырья, продовольствия и энергии⁵⁶. В другом случае он предупреждал об опасности превращения страны в очаг межконфессиональных и внутриконфессиональных конфликтов. Генерал обратился к словам Сукарно, который говорил, что Индонезия не принадлежит какой-то одной группе людей, одному этносу. Генерал заключил: «Без ислама нет Индонезии. Без протестантов, без католиков, без индуистов, без буддистов, без конфуцианцев нет Индонезии. Такова наша прекрасная страна»⁵⁷.

Второго декабря 2017 г., когда исламские радикалы проводили свой митинг, Г. Нурмантьо находился в мечети, отмечая день рождения пророка Мухаммеда. Он призвал брать пример с пророка в том, что касается любви и снисхождения к ближнему. Как сообщала печать, в результате сближения генерала с религиозными кругами его рассматривают в качестве одного из кандидатов на пост председателя Общества шариатской экономики⁵⁸.

⁴⁹ *Republika*, 02.12.2017.

⁵⁰ *The Jakarta Post*, 02.12.2017.

⁵¹ *Republika*, 16.01.2017.

⁵² *The Straits Times*, 09.01.2017.

⁵³ *Ibid.*, 30.05.2017.

⁵⁴ *Suara Pembaruan*, 20.11.2017.

⁵⁵ *Ibid.*, 19.06.2017.

⁵⁶ *Republika*, 19.11.2017.

⁵⁷ *Suara Pembaruan*, 09.08.2017.

⁵⁸ *Republika*, 03.12.2017.

Седьмого декабря 2017 г. президент официально ввел в должность главнокомандующего вооруженными силами маршала авиации Хади Чахьянто, освободив от этой должности Г. Нурмантьо. В этой замене было два обстоятельства, привлечшие внимание общественности и СМИ. Первое – некоторая поспешность, поскольку Г. Нурмантьо вступал в пенсионный возраст лишь 1 апреля 2018 г., т.е. почти через четыре месяца. Сам генерал объяснил это тем, что его преемнику нужно время, чтобы полностью войти в курс дел до наступления предвыборного политически напряженного года⁵⁹. Добавим, что на 2018 г. были намечены выборы в местные органы власти. Второе обстоятельство – назначение на пост главкома начальника штаба военно-воздушных сил, возвращение к принципу ротации на этом посту военачальников от сухопутной армии, авиации и флота. В 2015 г. Д. Видодо нарушил этот принцип – Г. Нурмантьо сменил своего армейского коллегу. Возможно, нынешнее решение президента было вызвано тем, что военачальникам-выходцам из авиации и флота в меньшей степени свойственна присущая сухопутным войскам склонность рассматривать свой вид вооруженных сил как самодовлеющую политическую структуру и на этом основании активно вмешиваться в сферы, к их ведению не относящиеся.

Сразу после освобождения Г. Нурмантьо с поста главкома ведущие аналитические центры страны на основании опросов предсказали его участие в выборах 2019 г. в качестве кандидата в президенты или вице-президенты. Сам он ограничился заявлением, что готов принять на себя любую работу, которая необходима для государства⁶⁰.

Опросы общественного мнения в ноябре 2017 г. дали в некотором роде противоречивую картину оценки общественностью деятельности кабинета Джоко Видодо–Юсуфа Калла и других институтов власти. Доверие правительству выразили 70,5% респондентов, удовлетворены его деятельностью 67,9%, не удовлетворены 22,3%, остальные не дали ответа. Что касается лично двух лидеров, то уровни их популярности почти равны – 68% для президента и 64,8% для Ю. Калла. Но есть цифры, которые носят более сдержанный характер. Удовлетворены деятельностью правительства в сфере образования 67,9%, здравоохранения 67,3%, обороны и безопасности 57,6%. Удовлетворительно оцениваются успехи в развитии инфраструктуры. Но менее 50% выразили удовлетворение результатами в таких политически чувствительных областях как борьба с коррупцией, регулирование цен на предметы первой необходимости, развитие горнодобывающей промышленности, создание новых рабочих мест, снижение уровня безработицы. Недовольство половины населения эффективностью власти в этих сферах может быть чревато влиянием на исход выборов 2018 г.⁶¹

Есть и другие фундаментальные проблемы, способные воздействовать на настроения электората. Вице-президент Ю.Калла в феврале 2017 г. говорил, что в Индонезии исполняются все принципы государственной идеологии, и только пятый принцип – социальная справедливость исполняется с наибольшими трудностями и запозданиями. Он подчеркнул, что большинство конфликтов в Индонезии проистекают не из религиозной сферы, а из несправедливости политической и экономической. По его подсчетам за период независимости на этой почве возникло не менее 15 крупных конфликтов, прежде всего в регионах⁶². По данным Всемирного банка в 2015 г. Индонезия занимала третье место в мире по неравномерности национального богатства. Индекс GINI в общем исчислении составлял 0,39, а землевладении – 0,64. Одному проценту граждан принадлежали 50,3% национального богатства, и 55,7% общей суммы банковских вкладов приходилось на 0,1% банковских счетов⁶³.

Показательны итоги опроса, касающегося популярности государственных институтов. Самой высокой популярностью пользуется армия – 76%. Деятельность президента одобрили 75%, Комиссии по борьбе с коррупцией – 68%, Центральной избирательной комиссии – 63%, полиции –

61%. Деятельность парламента положительно оценили лишь 34% респондентов, политических партий 38,1%. (Что касается последних, то 29,2% заявили, что не доверяют им, и 32,4% сказали, что ничего о них не знают, или отказались отвечать)⁶⁴. Отметим, что самый низкий уровень доверия отмечается в отношении парламента и партиям – тем институтам, которые призваны служить инструментами демократического процесса. Шансы Джоко Видодо на избрание в 2019 г. оценивались в 53,2%, а Прабово Субианто – 33%⁶⁵. Можно предположить, что весьма решительная позиция, которую правительство Д. Видодо и лично он заняли, резко осудив решение президента США Д.Трампа признать Иерусалим столицей Израиля, принесет ему дополнительные голоса на выборах.

⁵⁹ Antara, 08.12.2017.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Suara Pembaruan, 27.11.2017.

⁶² Republika, 06.11.2017.

⁶³ Ibid., 26.02.2017.

⁶⁴ Suara Pembaruan, 27.11.2017.

⁶⁵ Antara, 28.11.2017.

По данным некоторых опросов, респонденты полагают, что Д. Видодо следовало бы избрать в качестве кандидата на пост вице-президента представителя военной среды, а генералу П. Субианто – напротив, кого-то из гражданских деятелей. В качестве партнера для Д. Видодо большинство опрошенных видели Г. Нурмантьо⁶⁶. Ситуация противоречивая. Действующий президент действительно нуждается в поддержке армии как весьма стабильной и популярной силы. В то же время, нет уверенности в том, что Г. Нурмантьо смирится с положением второго лица и не будет стремиться к самостоятельной роли (как это было с отставным генералом Лухутом Панджаитаном, которого президенту пришлось передвинуть с наиболее влиятельного поста в правительстве – министра-координатора по вопросам политики, права и безопасности, на должность министра-координатора по морским делам). Пресса обратила внимание на то, что одним из первых решений нового главнокомандующего была отмена приказа, изданного Г. Нурмантьо накануне отставки, о перемещениях по службе более чем 30 высших офицеров вооруженных сил, в том числе о назначении нового командующего Стратегическим резервом сухопутных войск, командующего региональным объединением войск, главы военной разведки. Комментируя это событие, сингапурская газета *The Straits Times*, ссылаясь на мнение аналитиков, писала 20 декабря 2017 г., что маршал Хади Чахьянто нейтрализовал попытку своего предшественника поставить своих верных сторонников на ключевые посты в вооруженных силах. Можно предположить, что это решение главком согласовал с президентом, а это значило бы, что Д. Видодо озабочен ростом политического веса армии при Г. Нурмантьо.

Что касается политических партий, то здесь намечаются сдвиги не в пользу Д. Видодо. За оппозиционную партию Гериндра, по данным одного из опросов, в ноябре 2017 г. намеревались голосовать 15,2% опрошенных, за Демократическую партию Индонезии (борющуюся) – 12,5%, за Партию демократов – 7,4%, а за Голкар – 7,4% против 14% в 2014 г. В последнем случае сыграли свою роль и раскол в руководстве Голкара, и судебный процесс против лидера партии Сетьо Нованто по обвинению в коррупции. Как заметил глава аналитического центра «Организация народного благосостояния» Пумпида Хидайятулла, если Гериндра не совершит какую-то серьезную ошибку и сохранит своих приверженцев, а другие партии не совершат какие-то блестящие инновации, то Гериндра станет первой партией на выборах⁶⁷. В начале ноября 2017 г. Международный консорциум журналистских расследований обвинил П. Субианто, что он скрыл от налоговых органов доходы от своей компании на Бермудских островах⁶⁸, но, по крайней мере, на первых порах этот сюжет развития не получил.

К концу 2017 г. сформировалось нечто вроде коалиции Гериндра, Партии справедливости и процветания и Партии национального мандата. Они договорились о совместных действиях в 2018 г. на местных выборах в пяти провинциях – Западная и Центральная Ява, Северная Суматра, Восточный Калимантан и Северные Молукки. Как заявил председатель Партии справедливости и процветания Мохамад Сохибул Иман, весьма вероятно, что это сотрудничество продолжится в 2019 г., когда три партии выдвинут совместных кандидатов на посты президента и вице-президента⁶⁹.

Предвыборная кампания, фактически начавшаяся в 2016 г., стала, пожалуй, самой напряженной из всех предшествующих. Она вместила в себя в разных масштабах и формах все проблемы, которые были унаследованы от прошлого режима.

В момент завершения этой статьи до президентских и парламентских выборов оставалось еще полтора года, и сохранялась вероятность возникновения новых политических факторов. Однако, так или иначе, они будут развиваться на фоне и в продолжение тех факторов и тенденций, которые обозначились в 2016–2017 гг. и проявились в активизации радикальных исламистов, с которыми взаимодействовали и которых использовали в своих интересах часть политической элиты, в том числе некоторые системные партии. Им противостоят те круги элиты (гражданской, военной и религиозной, в первую очередь мусульманской), которые ставят своей целью сохранение единства страны на основе конституции 1945 г. Проблема, однако, состоит в том, смогут ли они подняться над частными интересами в противостоянии исламистам и тем, кто их использует. С известной осторожностью можно говорить о положительных тенденциях в религиозной сфере, проявившихся в ходе празднования Рождества в 2017 г. Каким-либо негативных проявлений зафиксировано не было и, более того, отмечены случаи, когда патрули мусульманской молодежи действовали у христианских храмов с целью не допустить враждебных акций в Джакарте, Джаяпуре, Амбоне и других городах. Президент Джоко Видодо через свой твиттер поздравил индонезийских христиан с Рождеством. Губернатор Джакарты Анис Басведан посетил католический собор в Восточной Джакарте и поздравил прихожан с праздником⁷⁰. Если эта тенденция получит свое развитие, это станет существенным вкладом в преодоление одной из самых сложных проблем индонезийского общества.

⁶⁶ *The Jakarta Post*, 03.12.2017; *Suara Merdeka*, 04.12.2017.

⁶⁷ *Suara Pembaruan*, 04.12.2017.

⁶⁸ *Republika*, 06.11.2017.

⁶⁹ *Suara Pembaruan*, 26.12.2017.

⁷⁰ *GATRAnews*, 25.12.2017.